

Легенда о стиле

Ретроспективная выставка Анатолия Зверева в галерее «Дом Нащокина»

Дмитрий СМОЛЕВ

Прошло семнадцать лет с той поры, как миф о гениальном художнике-самородке из прижизненного стал посмертным. Сплетни и анекдоты сразу же приобрели статус мемуарных свидетельств, а любые почеркушки оказались в ранге творческого наследия. Вдобавок заработали механизмы перестройки и гласности, и легенда в одночасье перестала быть достоянием «узких кругов», получив многомиллионную аудиторию. Специалисты глазом не успели моргнуть, как к имени художника прочно приклеились эпитеты «великий», «выдающийся», «всемирно известный». Самые злобные из искусствоведов некоторое время возмущались на кухне, но с публичными обличениями никто выступать не стал: прослышав еще ретроградом да и stalkиваться с коллегами неохота. Версия насчет «русского Ван Гога» осталась никем не оспоренной.

Дополнительно запутали вопрос многочисленные подделки, от которых эксперты по Звереву давно волком воют. Чтобы составить о творчестве художника собственное непредвзятое мнение, хорошо бы удостовериться, что имеешь дело с подлинным материалом.

Нынешняя выставка в «Доме Нащокина», надо сказать, дает основания для такой уверенности. Эталон не эталон, но в большинстве своем эти работы происходят из коллекций друзей и знакомых автора. Резонно считать, что не в их интересах привлекать экспонаты сомнительной выделки. Ретроспективу нельзя назвать полной — за Зверевым числятся тысячи опусов, но представление о характере и эволюции метода она все же дает. Именно метода, хотя о художнике принято говорить как о непредсказуемом импровизаторе. Чем дальше от начала карьеры, тем сильнее бросаются в глаза однотипность приемов и приверженность «андерграундному салону».

Природный артистизм так и не перешел в настоящий класс: многие зверевские работы страдают небрежностью и приближенностью. С восхищением рассказывают о десятках листов, выходящих из-под его руки за ночь, но называть их россыпями алмазов как-то неловко. Что уж тут сыграло фатальную роль — преувеличенный восторг «узких кругов», затхлая атмосфера тоталитаризма или собственная авторская забывчивость, решать не возьмемся, однако с конца 60-х Зверев окончательно вошел в амплуа юродивого бродяги, портрети-

ИГОРЬ ТАЛЫМИН

рующего богему в свободное от пьянства время. Этим знакомством принято было гордиться; участие в эксцентрическом шоу волновало кровь и кружило голову. Вряд ли можно говорить о заговоре с целью возвеличивания, просто слишком у многих остались грубо-романтические впечатления, образовавшие остов легенды.

Вообще-то художник не обязан отличаться примерным поведением, и речь не о моральных оценках образа жизни, хотя формула «мастерство не пропьешь» довольно сомнительна. Если на произведения Зверева смотреть без розовых очков, слишком явственны профессиональные орехи. Залихватская

экспрессия вела не к новаторству, а к следованию чужим и собственным шаблонам. На выставке это очень заметно — гораздо более, чем мечталось бы организаторам. Впрочем, время для критического анализа безнадежно упущено. Хотя лихорадочная маэстрия давала плоды заведомо ущербные, с годами это обстоятельство учитывается все меньше. Пожалуй, Анатолию Звереву суждено остаться в анналах именно в том качестве, в каком он туда угодил. Пересматривать масштаб теперь и незначет, поскольку фигура этого художника располагается в стороне от идейных битв. Легенда никому не мешает — значит, пускай живет.

Русский карьер. 2004. - 26 февр. - с. 10